

Уна Р. Дэлия.

Гротеск в Живописи и живопись как гротеск в эпоху Ренессанса¹.

Среди гротесков, которые были столь популярны в Италии в XVI веке, от внимания ученых ускользнуло одно игривое и вместе с тем проникнутое размышлением о собственной сущности изображение: составленный из разнородных частей монстр за мольбертом, рисующий другого монстра, свою модель. Это остроумное изображение концентрирует в себе споры о подражании и инвенции, которыми были вдохновлены ренессансные трактаты о гротеске.

Когда легкие и фантастические изображения, вскоре названные гротесками, были найдены во время раскопок в «Золотом доме» Нерона в XV веке, классический текст, подходящий для интерпретации был с легкостью найден. Известно, принадлежащие Витрувию, описание этих «монстров» как изображений невозможного: «Эти вещи не существуют, не могут существовать и никогда не существовали». Он писал о зданиях со смешотворно тонкими опорами, о головах и телах, появляющихся на растениях, словно побегов, и заключал, что гротески больше развлекают, чем призывают к суждению. Слова Витрувия были центральными для дебатов относительно гротесков в шестнадцатом веке. Витрувий упоминал фигуры, людей и чудовищ, появившихся из листвы, но был более всего возмущен архитектурными нарушениями законов физики. Ренессансные комментаторы перенесли свое внимание на монстров, составленных из разных частей.

Даниэль Барбаро, в своем комментарии к Витрувию, изданном в 1567 году, добавляет «смесь разных видов» в список невозможного. Барбаро также предлагает объяснение: «Несомненно, как и фантазия во сне беспорядочно представляет нам образы вещей и часто совмещает вещи разной природы, то же, мы можем сказать, делают и гротески, которые мы можем определенно назвать снами живописи». Диалектика, как утверждает Барбаро, удовлетворяет разум, риторика чувства и разум, поэзия чувства более чем разум. Гротески, напротив, близки софистике, рассуждению и чистому искусству, существующим ради себя самих, несвязанных с логикой или природой.

Джорджо Вазари полагал, что гротески «довольно возмутительный и распущенный вид искусства», но также восхвалял их изобретательность: «неладные чудовища...предметы, не подчиняющиеся правилам,...огромный вес и тончайшая нить, которая не может удержать его, лошадь с ногами из листьев и человек с ногами цапли, бесконечные складки драпировок и воробьи». Вазари перечисляет невозможное: груз и драпировку без опоры монстров, составленных из разных частей, но также и воробьев, местных птиц, которые свободно летали. Странное упоминание воробьев, сделанное Вазари, которые вряд ли могут считаться «неладными чудовищами» выдает противоречие между художественными и природными характеристиками ренессансных гротесков. Античные образцы, включают в себя изображения птиц на насестах, искусно вставленные в узор, но реалистически изображенные птицы отнюдь не порхают среди гротесков времен Ренессанса.

---

¹ D'Elia U.R. Grottesque painting and painting as grotesque in the renaissance.// Source: Notes in the History of Art. 2014. Vol. 33. No. 2 P. 5-12.